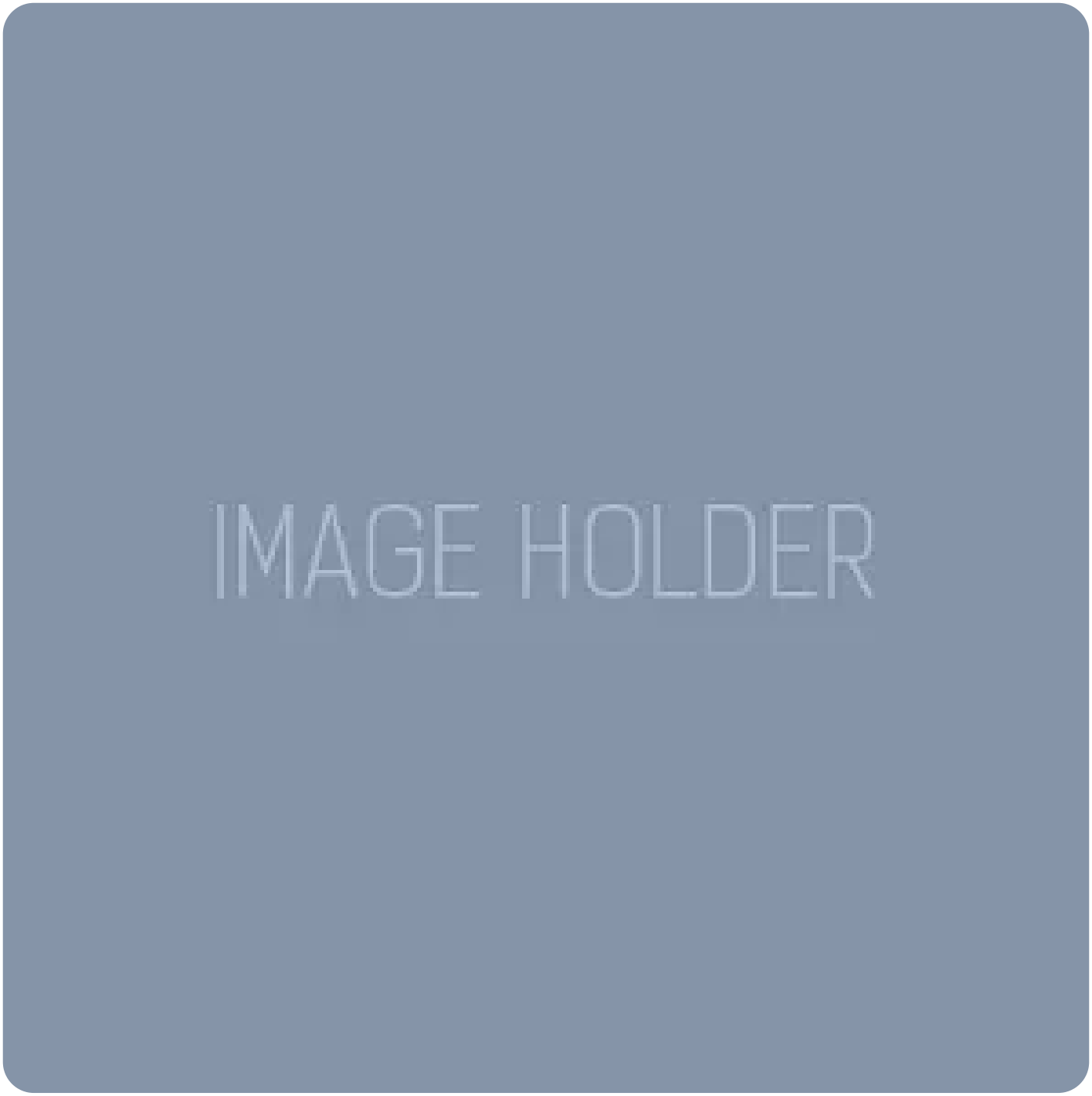

Аго, Пути, Бох.

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Виктор Лукьяненко

Ссылка на публикацию

Вместо предисловия. Здравствуйте, уважаемые читатели! Хоть писатель я и ненастоящий, а вот ненастоящего читателя не бывает. Он или есть (и сразу настоящий), или нет его вовсе. В общих чертах, ситуация такова. Чтобы ни у кого не возникало различных иллюзий, дурных мыслей и прочих домыслов, хочу заявить: я категорически против любых «сверхлюдей», если их деятельность деструктивна и направлена на разрушение. Не хочу углубляться в полемику, но

будь то «супергерой» или «сильный мира сего», не имеет значения. Никто не имеет права быть Богом и вершить суд над другими людьми. *** Богдан Викторович родился в последний день осени 2013 года, в Новороссийском роддоме. Это мой третий сын, а подарила мне его любимая жена Алина. Трудно сказать, поможет ли в будущем нашему ребенку тот факт, что он рожден в городе-герое Новороссийске, но так уж вышло, и со штампом «рожденный в Новороссийске» он проживет всю свою жизнь. Я лично думаю, что место рождения человека не имеет абсолютно никакого значения и может стать больше поводом для насмешек, нежели зависти. Пусть простят меня обитатели города Урюпинск, но, когда я слышу, что человек родился в Урюпинске, я улыбаюсь. К моменту рождения сына я уже познал радость семейного бытия, Алина же только начинала охоту по поимке «птицы семейного счастья», но в одном мы были уверены точно: любая семья, как ячейка общества, должна иметь четкие границы, которые должны строго охраняться от посягательств извне. Другими словами, на кухне должна быть одна хозяйка. В качестве суверенной, независимой, нейтральной территории вполне подходила съемная квартира, и, желательно, со всеми удобствами. Если кто-то думает, что снять квартиру - это совсем простое дело, то он ошибается. Чтобы пазл сложился, необходимо потратить много времени, сил и желаний, но и это не является гарантией успешной сделки. Нам повезло. Двухкомнатная угловая квартира на втором этаже двухэтажного дома 1948 года постройки по улице Элеваторной оказалась очень даже миленькой. Ну и что, что ванна сидячая, да еще и самодельная, ну и что, что обои немодные. Зато вода есть почти всегда и окна выходят во двор. А это значит, что зерновозы будут проезжать с другой стороны дома, и максимум, что нас ждет - это вибрация окон. А еще, как сказал арендодатель Виктор Михалыч, «на первом этаже такие бабки живут, что и собак не надо». Только спустя год я окончательно понял значение этой фразы. В качестве «бонуса» мы получили захламленный сарай, где после уборки смогли хранить свой хлам, которым каждая семья, подобно затонувшему кораблю, словно ракушками, непременно обрастает с годами. Родительский дом находился в двадцати минутах ходьбы, железнодорожный вокзал - прямо за мостом, поэтому мы были счастливы и все силы направили на создание уютного гнездышка и воспитание малыша. Сынок рос, ел, спал, гулял, набирал килограммы, радовал нас новыми звуками и первыми словами. Двор был тихий, чистый, спокойный. Все жили дружно. И если Макаровна, бабулька с первого этажа, решала кого-то отчитать, то исключительно за дело, и на правах старейшины. Как оказалось, в доме были жильцы и постарше, но Макаровна, видимо, этого не знала, или не хотела знать. На втором этаже, в квартире напротив, жили Дима и Оксана. Он - юрист, она - домохозяйка. Каждый год у них рождалась новая дочка, и на момент нашего отъезда Оксана была беременна уже четвертым ребенком. -- Хоть бы мальчик, - сказала она нам с улыбкой на прощание. Если не считать зерновозов, которые

круглые сутки, медленно, как сытые хомяки, проезжали мимо дома, то в остальном все было тихо и спокойно. Гудки поездов, которые звучали за окном круглосуточно, через какое-то время перестали замечаться, а это в очередной раз доказывает теорию, что со временем человек ко всему привыкает. Практически рядом с домом находился ДК Маркова, этот кусочек социалистической действительности, затерявшийся на просторах Мефодиевки и напоминавший о недавнем историческом прошлом. В его стены никак не вписывался век цифровых технологий и интернета. Даже «Единая Россия», со своими многообещающими лозунгами, смотрелась на стенах этого клуба уныло и неестественно. Возле клуба росли две огромные сосны, которые щедро осыпали землю иголками и шишками, вызывая возмущение уборщиц и дворников. Но, если не обращать внимание на такие мелочи, пользы от сосен было гораздо больше. Под их корявыми, мощными, много повидавшими на своем веку ветками даже в жаркую погоду была тень и прохлада. Лавочки под соснами были любимым местом прогулок мамочек со своими малышами. И если Мишенька или Танечка - спокойные дети, то достаточно было поставить перед ними картонную коробку и предложить собирать в нее шишки. На пару часов у мамочки развязывались руки. Все, что было нужно - это находиться на лавочке, листать странички «Инстаграма», разговаривать с подружками или, на худой конец, читать книгу. Ребенок в это время был занят делом. Богдан Викторович был не совсем спокойным ребенком, в смысле, что игра со сбором шишек его не прельщала и он всегда норовил прорваться на тропинку, которая вела на пешеходный мост, ведущий к железнодорожному вокзалу. А там уж нужен глаз да глаз, а лучше сразу четыре: два маминых и два папиных. Сажать ребенка на поводок не принято, поэтому приходилось постоянно бдить, держа себя в тонусе, не спуская глаз с малыша. Прогулки по мосту стали для нас ежедневным ритуалом, хорошей традицией и способом успокоения ребенка. Попадая на мост и глядя вниз, на проезжающие по территории элеватора зерновозы, на проходящий поезд, да еще с вагонами, наш ребенок терял волю. Когда ты не можешь описать увиденное словами, остаются одни эмоции, а когда и с эмоциями еще все не выстроилось, то происходит замирание, зависание, ступор, называйте как хотите. Когда ребенок видел приближающийся поезд, он замирал, глаза его расширялись, и, не мигая, продолжали сопровождать движущуюся громадину. А если машинист замечал юного зрителя и давал гудок, то это уже было за гранью. Мальчик пытался выскочить из своей оболочки, словно рыба, открывал рот, пытаясь сказать еще несуществующие слова, словно колибри, махал ручками и, думаю, именно в это время его «памперс» максимально наполнялся. Поезд исчезал, а ребенок продолжал стоять и смотреть ему вслед, и продолжаться это могло бесконечно. Любые дергания за рукав приводили к истерике, а на предложение: «Богдаша, давай уже пойдем!?», ответ всегда был одинаковым: «Давай Не!» До трех лет мы с женой

были уверены, что растим железнодорожника. Игрушечные паровозики, железные дороги: механические, электрические, пластиковые, деревянные, книжки про железную дорогу... Только костюмов проводника и проводницы не было. Вернее, они были, но использовались в отсутствии ребенка. Мультфильм «Томас и его друзья» оказывал на ребенка дома почти такое же гипнотическое действие, как и проходящий поезд на улице. Наряду с традиционными словами «мама», «ко-ко», «му», «афф», в числе первых в лексиконе Богдана Викторовича появились слова «аго», «пути», «бох». Для тех, кто не силен в детском разговорном языке, поясняю: «аго» - вагоны; «пути» - тут все просто, это железнодорожное полотно; «бох» - это бочки, железнодорожные цистерны. Других железнодорожных терминов у ребенка не было. И если в гости заезжал дедушка, то внук со словами «аго, пути, бох» нес одежду, и это было сигналом к началу прогулки. А когда внук переступал порог дома дедушки и бабушки, первой фразой была тирада: «баби, диди, аго, пути, бох». Когда-то я думал, что все взрослые должны понимать, во всяком случае, своих детей. Оказывается, это не так. Для некоторых взрослых детский лепет не что иное, как «белый шум», набор нечленораздельных звуков. Чего далеко ходить, вот, например, история, которая случилась в детском садике с моим младшим братом, Мишкой. Мишка начал ходить очень рано, в десять месяцев, и говорить он начал тоже рано, в один год и три месяца. А у ранних детей есть одна особенность: они так же рано попадают в детский сад. Так и случилось. В средней группе, куда определили брата, социальная иерархия была построена по следующему принципу: тетя Катя — воспитатель, тетя Валя — няня, основная группа, и Мишка, так как он был самим младшим. Если с кормлением, гулянием, сном, одеванием и раздеванием детей все понятно: тут как в армии, все согласно распорядку, то тема горшка остается индивидуальной. Нельзя централизовано посадить всех детей на горшок и заставить произвести «куличики». Утром, после прощания с родителями, тетя Валя посадила Мишку себе на коленки, и, нежно поглаживая по головке, сказала: Миша, когда захочешь какать, приходи ко мне. Хорошо? Халасо, - сказал Мишка, потому как был сообразительным ребенком. Тетя Валя сознательно не говорила про «пописать», потому, что это, во-первых, лишние хлопоты, а, во-вторых, даже если ребенок написает в штанишки, то ничего страшного не случится, в садике тепло и скоро все высохнет, а иногда бывает, так удачно писается, что колготки практически остаются сухими. В какой-то момент Мишка подошел к тете Кате (тетя Валя была занята или отсутствовала по рабочим делам) и сказал: Я пришел! Какой хороший мальчик! - похвалила его тетя Катя. Беги к деткам, играй, - сказала она, погладив Мишку по голове. Спустя некоторое время, вернулась тетя Валя. Мишка пулей очутился возле нее со словами: Я пришел! Я вижу, что ты пришел, - сказала тетя Валя, - но мне сейчас некогда. Только перед сном, снимая ребенку колготки, тетя Валя заметила большую «колбаску», которая уже успела сваляться и подсохнуть, и

своим весом оттягивала штанину. Ребенок не мог понять, за что его ругает няня, ведь он сделал, как просили: «захочешь — приходи!» и он приходил, сообщал о своем приходе, да еще и не раз. Такая история. В общем, пока ребенок отчетливо не скажет «я хочу есть», «дай банан», некоторыми взрослыми он так и не будет услышан. Его будут игнорировать, отфутболивать, и не обращать на него никакого внимания. Но не все взрослые одинаковые. Другие, наоборот, несмотря ни на что, пытаются разобрать «морзянку» малыша и побыстрее наладить диалог. К числу первых относилась и Макаровна. Ребенок мог несколько минут кряду рассказывать на своем птичьем языке, какая у него красивая, новая, великолепная машина, показывая ее в движении и вертя перед лицом Макаровны. В заключение, Макаровна бросала взгляд на ребенка, на секунду отвлекалась от своих мыслей и произносила фразу: Мо-ло-дец! А вот Юра был не такой. Юра всегда был готов выслушать малыша, попытаться понять, в чем заключается его проблема, помочь, если это возможно. Юра любил детей. Он жил на первом этаже, напротив Макаровны, с женой и взрослым сыном. Юре было лет 45-50, но это я предположил, только глядя на его сына и сделав небольшие математические вычисления. Как он выглядел? Да плохо: худой, бледный ссутулившийся. Хорошо роста был небольшого, а так бы еще сильней бросалось в глаза. Постоянно с сигаретой и неизменным кашлем. А жена его выглядела еще хуже. А виной всему — водка. Понятно, что каждому свое, но, как говорят поляки, «шо занадто, то не здраво». Когда обычная бытовая пьянка переходит в недельный запойный марафон, тут надо иметь и силу, и волю, и крепкое здоровье. Но заниматься нравоучениями - задача бессмысленная, ибо никогда трезвенник не поймет пьяницу, как богач не поймет бедняка, а сытый -голодного. Смотреть на пьяных людей, особенно в момент их похмелья - не самое лучшее зрелище: трясущиеся руки, еле шевелящийся, сухой язык и отекшее лицо. Голова - чугун, в которой даже бегущий котенок превращается в арабского скакуна. Жить не хочется. В общем, печалька. Кто попадал в эту «шкуру», тот знает, а кто нет, то лучше живите без этого. Юра был хорошим человеком. Про таких в народе говорят: мастер - «золотые руки». Какую он корпусную мебель делал, просто загляденье! А кухни какие! Любой размер, любой дизайн, все, что душе угодно. Так шпон приклеит, или филенку — фабричные станки отдыхают. Тихо, спокойно, методично, в своем сарайчике, мастерил он эту мебель. Заказов хватало, а расширять производство не хотел. Юра, а почему не откроешь цех побольше? - спросил как-то я его. А зачем? Мне хватает. Не люблю я пафоса лишнего. Да и страна у нас не та, чтобы широту показывать. Как только увидят, сразу укоротят. Вот так и работал. И сын ему помогал. Не зря говорят, что яблоко от яблоньки недалеко падает. Тоже мастеровитый парень: и бате помогал, и свое дело потихоньку продвигал - чинил стиральные машины и сплит-системы. Так и жили мы со своими радостями и горестями в нашем дворе. На праздники иногда все вместе собирались за одним

столом. «Тамадой», как обычно, была Макаровна. Но это только до первых шести тостов, а дальше каждый сам себе «тамада». Юра редко поддерживал подобные мероприятия, может, от страха сорваться, а может, просто не та компания. Зато, когда уходил в «штопор», то выходил из него очень долго. Буйное веселье сменялось тяжелым похмельем, а заканчивалось истощением и безденежьем. Страшное это дело, когда душа горит, а пожар потушить нечем. Вот тогда и приходили на выручку соседи, у которых можно было занять пару сотен. Именно занять: не попросить, не взять, а именно занять. Фраза «Когда отдашь?» в такой ситуации неуместна: ты или даешь, понимая, что возврата, возможно, никогда не последует, или нет, мотивируя ситуацию здравым смыслом, так сказать, избавляя человека от дальнейшей пьянки. Я таких людей считаю «псевдогуманистами». Даже если ты не дашь ему денег, то все будет почти так, как в анекдоте: «папа не станет меньше пить, просто кто-то станет меньше есть». Но самое интересное во взаимоотношениях с Юрой было то, что заемные деньги он всегда отдавал. Не знаю, как он это делал: вел записи или все хранил в памяти, а может, просто знал, что моя память не так долговечна. Просто, в один прекрасный день ты встречаешь Юру во дворе, в хорошем настроении, в чистой одежде, как всегда худого, но с улыбкой на лице. Вы здороваетесь, он протягивает тебе двести рублей, со словами: — Вот, Витя, возьми. Спасибо. Я у тебя занимал. Что самое интересное, вспомнить историю займа не мог никто: ни Юра, ни я, ни даже Макаровна, которая знала практически все финансовые операции, происходящие в доме. *** Это случилось в субботу. Так получилось, что выходные на этой неделе оказались действительно семейными. Все были дома. Завтрак закончился, поэтому все занимались своими делами: жена наводила порядок на кухне, я сидел за компьютером, а Богдан Викторович тратил калории, носясь по двум маленьким комнатам, периодически запрыгивая на диван или на мою спину, ну или делая какую-нибудь шкоду на кухне. Стук в дверь раздался внезапно: громко и резко. Звонок в квартире был, но он не работал. В свое время, после того, как званые или не очень гости несколько раз будили наследника в самый неподходящий момент, я его отключил. А потом? Потом мы привыкли жить без звонка. От громкого звука малыш вздрогнул, но потом метнулся к входной двери. — Витя, посмотри, кто там. У меня грязные руки, - сказала с кухни жена. Я направился к выходу, а Богдан Викторович, как скворец, с открытым ртом стоял у дверей и смотрел вверх. Когда дверь открылась, на пороге стоял Юра. Вид у него был измученный. Весь помятый, волосы на голове торчат в разные стороны, под глазами синие круги. Было видно, что пьет он уже далеко не первый день. Мы даже не успели поздороваться, как Богдан выдал свою классическую тираду: — Дядя! Аго! Пути! Бох! Причем повторил все это два раза подряд. Юра стоял и молча слушал ребенка. Потом наступила пауза. Я ждал, что скажет Юра, а Юра усиленно обдумывал услышанное. Это было отчетливо видно по его лицу. Может, я

ошибаюсь, но мне показалось, что Юра не только пытался расшифровать фразу ребенка, но еще думал о том, как правильно ответить, ибо при неверной реакции его визит может обернуться провалом. Во время этой небольшой паузы Богдан стоял между нами, ждал продолжения, и в конце концов еще раз, глядя на Юру, произнес: Аго! Пути! Бох! Юра посмотрел на ребенка, потом на меня, потом, сделав глубокий вдох, сказал: Да! Путин Бог! Витя, займи 200 рублей, очень прошу. Почему-то эти слова не вызвали тогда ни смеха, ни радости, ни даже улыбки. Так совпало. Человеку было плохо, у него не было денег, а тут еще маленький мальчик предложил пройти сложный «квест». А может быть, не смешно было еще и потому, что мы оба знали, что это наши последние финансовые взаимоотношения. Вскоре после этого случая мы переехали на другую квартиру, а еще через некоторое время Юра умер от сердечного приступа. Хороший был человек. Жаль, не дожил до наших дней, а то бы смог воочию убедиться в пророчестве своих слов.